

А.Ю. Нестеренко

ГОГОЛЕВСКИЕ СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ

А. АВЕРЧЕНКО

Преемственность развития традиций Н.В. Гоголя в русской литературе всесторонне изучалась на материале творчества наиболее крупных писателей-сатириков – М. Салтыкова-Щедрина, А. Чехова, М. Булгакова, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова. Однако исчерпанной эту тему считать рано. Гоголевские традиции были восприняты и другими, весьма популярными в свое время, но не вписавшимися по тем или иным причинам в рамки классических канонов сатириками и юмористами: А. Аверченко, Н. Тэффи, Сашей Черным, Дон-Аминадо, В. Горянским и др. Творчество «сатириконцев», в первую очередь – Аверченко, дает прекрасную возможность наглядно продемонстрировать пути и приемы художественного освоения гоголевского наследия.

Д. Левицкий [9], О. Михайлов [10], Л. Евстигнеева (Спиридонова) [8; 12] и другие исследователи отмечают очевидную связь Аверченко с опытом автора «Ревизора» и «Мертвых душ», выразившуюся в разных формах на разных уровнях структуры художественного текста. Цель данной статьи – выявить конкретные случаи обращения Аверченко к творчеству Гоголя, определить, в чем заключается новаторство и оригинальность предложенных Аверченко трактовок гоголевских сюжетов и образов.

Точные или несколько видоизмененные цитаты из произведений великого русского художника, меткие гоголевские слова, выражения рассыпаны по рассказам, фельетонам, памфлетам Аверченко: «Случай с ревизором», «Международный ревизор», «Русская история», «Косьма Медичис», «Урок литературы», «Возвращение», «Петере» и др. Органично вписываются в ткань произведений Аверченко вдохновенные, патетические слова Тараса Бульбы и сочная брань Сквозника-Дмухановского, описания заветного чичиковского ларца и необъятной плюшкинской кучи вплетаются в хроники революционного времени, а крестьяне Петр Савельев Неуважай-Корыто, Коровий Кирпич, дядя Миняй, поручик Пирогов и другие гоголевские персонажи соседствуют с многочисленными аверченковскими «веселыми устрицами».

Интерес Аверченко к личности и творчеству Гоголя заметно активизируется после событий 1917 года – в драматический момент национальной истории и кризисный период его собственной жизни. Для Аверченко, как и для многих других русских писателей-эмигрантов первой волны, Гоголь оказался фигурой знаковой, учителем, пророком, мессией. «Ах, как хорошо в русской России почитать русскому человеку русского писателя..!» – восклицает Аверченко и первым в ряду русских писателей ставит именно Гоголя («Усадьба и городская квартира») [5, 87], а «Мертвые души» называет «русским евангелием, где мы можем всегда почерпнуть бодрость, веселье, смех, утешение и веру в будущее» («Нечто вроде лекции о юморе») [12, 89]. Аверченко привлекает гоголевское отношение к комическому, сатире,

юмору, гоголевское понимание роли и места смеха в истории общества, человеческой культуры. Как известно, Гоголь в ряде статей изложил собственное видение этих проблем и дал своеобразную ценностную дифференциацию смеха. Наиболее значимым и ценным видом смеха сатирик назвал «электрический, живительный смех, который исторгается невольно, свободно и неожиданно, прямо от души, пораженной ослепительным блеском ума, рождается из спокойного наслаждения и производится только высоким умом» [7, 181]. Такой «светлый», направленный на «примирение души» смех, по Гоголю, несет в себе катарсическую, очищающую функцию и является эффективным способом перевоспитания, улучшения человеческой природы. В очерке «Нечто вроде лекции о юморе» Аверченко определяет юмор как одно из самых положительных, благородных свойств человека и утверждает, что понимание юмора дано не каждому: для этого нужны ум, вкус, известный талант и хороший слух. Предлагая описание разных форм, видов комического – французского фарса, игрового кинематографического юмора, бытового смехачества дореволюционных сатирико-юмористических журналов – сатирик особо выделяет гоголевский и чеховский смех, явившие собой образцы высочайшего комического искусства. Именно такой смех русских классиков, утешающий, дающий веру в будущее, взят Аверченко за образец [12, 89].

Однако близким оказался Аверченко не только положительный потенциал, но и обличительная сила гоголевского смеха. Это чувствуется в трактовке Аверченко таких художественных находок великого писателя, как «ситуация ревизора», тема «нечистой силы», мотив сумасшествия.

К «ситуации ревизора» Аверченко обращается в дореволюционных рассказах «Виктор Поликарпович» и «Случай с ревизором», непосредственная же реминисценция к комедии Гоголя обнаруживается в послереволюционном произведении – «Международный ревизор». В данном случае отличие аверченковской интерпретации известного сюжета состоит в том, что действие происходит в советское время в Кремле, вместо привычных гоголевских персонажей фигурируют реальные исторические лица – Троцкий, Ленин, Луначарский, Петере, а в качестве ревизора выступает международная комиссия, имеющая целью обследование действий советской власти. Подзаголовок «Международного ревизора» – «начало комедии» – имеет особое значение: Аверченко воссоздает сюжетную канву лишь первого действия гоголевской пьесы, однако в данном случае «начало комедии» – это не только уточнение жанровой специфики. Из реплик Троцкого, Ленина, Луначарского складывается мрачная картина реального положения дел в Стране Советов (разруха, голод, аресты, допросы в чрезвычайках), которую государственные деятели намерены скрыть от международного ревизора. Сатирик актуализирует переносное значение слова «комедия» (притворство, лицемерие), определяя им действия людей, облеченных властью, теперь уже – советской.

Традиции Гоголя в творчестве Аверченко продолжают развиваться в теме «нечистой силы». Новое решение этой темы на новом историческом этапе

новыми художественными средствами обнаруживается в целом ряде послереволюционных произведений Аверченко, в частности, в сборнике «Нечистая сила». В изображении сатирика русская революция – это проделки нечистой силы, революционеры – бесы в красных колпаках, маскирующиеся под обычных людей. Если у Гоголя нередко добрая «нечистая сила» противопоставляется злой государственной власти [11], то у Аверченко представление о власти как о темном, жестоком, враждебном, разрушительном начале полностью соответствует традиционным представлениям о «нечистой силе», то есть наблюдается отождествление понятий «нечистая сила» и «нечистая власть». Все происходящее после 1917 года воспринимается сатириком как наваждение, страшный сон, бред. Россия, уподобленная известному гоголевскому персонажу, вдруг оказалась в заколдованном кругу (в «чертовом колесе»), а вокруг нее закружилась в безумном хороводе разная политическая нечисть, и кажется, «что уж нельзя больше выносить этого ужаса, что еще минутка, еще секундочка одна – и разорвется сердце от бешеных толчков, от спазма ледящего страха... Но чу! Что это? В самый последний, в предсмертный момент – вдруг раздался крик петуха – предвестника зари, света, солнца и радости» [2, 104]. Впрочем, не менее действенным способом борьбы с разного рода нечистью Аверченко, как и Гоголь, называл смех. Явственно отличимыми гоголевскими интонациями пронизано предисловие к сборнику «Смешное в страшном»: «Мы переживаем самое ужасное, но и самое смешное время. Черт шутит шутки по всему миру. Иногда – мороз по коже, а взглядишься – смешно! Взял черт целую страну и, как перчатку, наизнанку вывернул <...> А чтоб вас черти взяли! Нанесла вас нелегкая на нашу русскую голову. Сначала хотел я запеть по этому поводу щемящую душу панихиду, потом – огляделся: как будто не все еще потеряно... Вот почему первые аккорды панихиды зазвучали вдруг веселей и веселей, и я понемногу на молебен стал сбиваться. А слова мои все-таки – панихидные» [1, 108].

Не раз возникает в контексте послереволюционных фельетонов и памфлетов Аверченко и мотив сумасшествия, восходящий к гоголевским «Запискам сумасшедшего». Вся русская литература 1920-1930-х годов, точнее, то ее направление, которое являлось не иллюстрацией или подтверждением, а явным или тайным опровержением официальной идеологии того времени, последовательно шла к мирообразу «Записок сумасшедшего» [13]. Безумие, абсурд, окружающей жизни стимулировали едва ли не каждого литератора создать свои «Записки сумасшедшего». В числе таких писателей следует назвать и Аверченко, у которого тема «русского бунта» (революции) совпала с темой «русского бреда» и который убеждал своих читателей поверить в то, что написанное им является не «бредом *сумасшедшего* графомана», а чистой правдой («Зачем я выпускаю "Кипящий котел"»).

В некоторых послереволюционных произведениях Аверченко указывает даты происходящих событий, но в этой «хронологии» отсутствует последовательность, связность, точность – она весьма условна, а иногда

абсурдна: «43-го числа, 53-го числа этого месяца, 0027-го числа, 721-го числа, число забыла, число сегодняшнее, число собачье, число такое-то («Собачьи мемуары») [4, 119-121]; 20-й век. Годы 1910-1913; 13-й век. Год 1920-й. Век – черт его знает какой... Год 1923» («Разговоры в гостиной») [3, 237-240]. Этот *хронологический бес-порядок* непосредственно корреспондируется с поприщенскими датировками: «Год 2000 апреля 43 числа; Мартобря 86 числа. Между днем и ночью; Никоторого числа. День был без числа; Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое» («Записки сумасшедшего») [6, 164-184]. Подобные временные смещения, сдвиги, когда в один год умещается целая эпоха, а один месяц или день расширяются до невероятных масштабов, используются Аверченко для того, чтобы передать безумие, хаос революционной действительности. Как известно, время – логика истории, но у той истории, которая совершается на глазах у сатирика, нет логики. Эта история без-умна, без-божна, без-образна, без-жалостна, поэтому настоящее время изображается писателем как без-время. В «Собачьих мемуарах» Аверченко прибегает также к еще одной гоголевской традиции говорящей, пишущей собаки: здесь, как и в одной из глав повести «Записки сумасшедшего», человек показан с собачьей точки зрения. При этом сатирика занимает не столько мотив очеловечивания животного, сколько процесс превращения человека в животное, низведения человеческой жизни до уровня собачьего существования. Все произведение выстроено на совмещении прямого и переносного значений выражений, связанных с понятием «собака»: собачья жизнь – 1) жизнь собаки и 2) плохая, трудная, тяжелая жизнь. С эпитетом «собачий», отражающим социальный опыт носителей языка, имеющим системный характер употребления, воспроизводимым и анонимным, связаны авторские индивидуальные языковые конструкции. Имеется в виду выражение «собачий язык» – так Аверченко характеризует «новоязовские» образования типа «главкаварм» (главнокомандующий кавказской армией) – и фраза «писатель Горький стоит перед советской властью на задних лапках» [4; 119-121], содержащая ту же сниженную, уничижительную, неодобрительную оценку, что и эпитет «собачий».

Таким образом, обозначив выразительные и очевидные случаи преемственности гоголевской поэтики Аверченко, мы попытались обозначить непрерывность традиции сатирической типизации жизни в русской литературе. Узнаваемые гоголевские образы и сюжеты, интонации, особый угол зрения – все это находит отражение, продолжение и оригинальную трактовку в творчестве Аверченко, одного из самых ярких представителей русской сатиры первой четверти XX века.

Литература

1. Аверченко А.Т. Извинение автора // Аверченко А.Т. Сочинения: В 2 т. – М.: Лаком-книга, 2001. – Т. 2. – С. 108-109.

2. Аверченко А.Т. Несколько слов по поводу этого, которое // Аверченко А.Т. Сочинения: В 2 т. – М.: Лаком-книга, 2001. – Т. 1. – С. 104-105.
3. Аверченко А.Т. Разговоры в гостиной // Аверченко А.Т. Сочинения: В 2 т. – М.: Лаком-книга, 2001. – Т. 1. – С. 237-240.
4. Аверченко А.Т. Собачьи мемуары II Аверченко А.Т. Сочинения: В 2 т. – М.: Лаком-книга, 2001. – Т. 2. – С. 119-121.
5. Аверченко А.Т. Усадьба и городская квартира // Аверченко А.Т. Сочинения: В 2 т. – М.: Лаком-книга, 2001. – Т. 1. – С. 86-89.
6. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. – М., 1984. – Т. 3. – С. 164-185.
7. Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. – Л., 1952. – Т. 8. – С. 177-190.
8. Евстигнеева Л.А. После революционной бури // Евстигнеева Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. – М.: Наука, 1977. – С. 88-199.
9. Левицкий Д.А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. – М.: Русский путь, 1999. – 552с.
10. Михайлов О.Н. Веселый смех (Аркадий Аверченко) // Михайлов О.Н. Страницы русского реализма. (Заметки о русской литературе XX века). – М.: Современник, 1982. – С. 200-215.
11. Моторин А. В. Художественное воплощение темы политической власти в творчестве Н. В. Гоголя // Филологические науки. – 1988. – № 4. – С. 13-16.
12. Спиридонова Л.А. Смех негодующей ненависти. А. Аверченко // Спиридонова Л.А. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. – М.: Наследие, 1999. – С. 76-120.
13. Янушкевич А.С. «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя в контексте русской литературы 1920 – 1930-х годов // Поэтика русской литературы. – М.: РГТУ, 2001. – С. 193-210.

Аннотация

А.Ю.Нестеренко. Гоголевские сюжеты и образы в творчестве А.Аверченко.

Статья посвящена проблеме трансформации гоголевских сюжетов и образов в сатире Аверченко. Особое внимание уделяется случаям обращения Аверченко к текстам пьесы «Ревизор» и повести «Записки сумасшедшего». Результатом исследования является вывод о том, что узнаваемые гоголевские сюжеты, образы нашли свое отражение, продолжение и оригинальную трактовку в творчестве Аверченко.

Ключевые слова: комическое, сатира, юмор, сюжет, образ, «Ревизор», «Записки сумасшедшего».

Анотація

А.Ю.Нестеренко.Гоголівські сюжети та образи в творчості А.Аверченка.

Статтю присвячено проблемі трансформації гоголівських сюжетів та образів у сатирі Аверченка. Особлива увага приділяється випадкам звернення Аверченка до текстів п'єси «Ревізор» та повісті «Записки божевільного». Наприкінці статті зроблено висновок про те, що відомі гоголівські сюжети та образи знайшли своє відображення, продовження та оригінальне трактування у творчості Аверченка.

Ключові слова: комічне, сатира, гумор, сюжет, образ, «Ревізор», «Записки божевільного».

Summary

A. Ju. Nesterenko. Gogol's plots and images in A. Averchenko's works.

The article deals with the problem of transformation of Gogol's plots and images in Averchenko's satire. The special attention is paid to Averchenko's interpretation of "The Government Inspector" ("Revizor") and "Diary of a Madman". The author of the article comes to the conclusion that the well-known Gogol's plots and images find their reflection, prolongation and original interpretation in Averchenko's works.

Key words: satire, humor, plot, image, "The Government Inspector" ("Revizor"), "Diary of a Madman".

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Н.В. Подмогиной.